

В. В. СЕДОВ

ДРЕВНЕРУССКОЕ ЯЗЫЧЕСКОЕ СВАТИЛИЩЕ В ПЕРЫНИ

Урочище Перынь находится в 4 км южнее г. Новгорода. Оно занимает небольшой плоский холм на левом берегу р. Волхова, около его истоков из оз. Ильменя¹. Господствующее положение над северными низменными и безлесными берегами Ильменя придает Перынскому холму, увенчанному кольцеобразной сосновой рощей, величественность и исключительную живописность. С восточной и северо-восточной сторон Перыньский холм омывается водами Волхова, а к южному склону холма подходит приток Волхова р. Веряжья. С запада и северо-запада от коренного берега Волхова холм отрезан заболоченной низиной, которая во время весеннего половодья заполняется водой и превращает Перынь в островок. Местные предания², доживший чуть ли не до наших дней обычай бросать в Волхов монету при следовании мимо Перыни («жертва Перуну») и само название связывают урочище с главным языческим богом славян Перуном. По словам третьей Новгородской летописи, в Перыни стояла деревянная статуя Перуна, которая в 988 г. была срублена и сброшена в Волхов³. Все это давало полные основания предполагать, что здесь был один из центров языческой религии древней Руси.

Замечательно и топографическое положение урочища, сближающее Перыньский холм с холмами, на которых были расположены уже открытые и исследованные языческие святилища славян. Подобно Перынскому холму, огражденному водой с трех сторон, округло-овальное сооружение из серого песчаника, открытое В. В. Хвойкой около Десятинной церкви в Киеве и признанное большинством исследователей языческим капищем, расположено на мысу, обращенном на восток⁴. Языческий храм прибалтийских славян в Арконе, исследованный К. Шухгардтом, был сооружен на холме, занимавшем мыс, также обращенный на восток⁵. Подобным же образом язы-

¹ До 1922 г. в Перыни был Перыньский мужской монастырь, первое летописное упоминание о котором относится к 1386 г. (ПСРЛ, т. 4. Л., 1925, стр. 346). Время же основания монастыря неизвестно. До настоящего времени сохранились монастырские постройки первой половины XIX столетия и древняя церковь Богородицы (первое летописное упоминание о ней там же, под 1386 г., время ее сооружения раскопками определяется первой половиной XIII столетия).

² Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний Павла Якушкина. СПб., 1860, стр. 118—119; Сев. Миллер. Материалы для истории былинных сюжетов. Этнографическое обозрение. Кн. XI, 1891, № 4, стр. 129—131.

³ ПСРЛ, т. 3, СПб., 1841, стр. 207.

⁴ Л. А. Дьянес. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства. СЭ, 1947, № 2, стр. 75—76.

⁵ Carl Schuchhardt. Arkona — Rethra — Vineta. Berlin, 1926.

ческое святилище редарей (славянское племя в Прибалтике) своей восточной стороной было обращено к морю¹. Таково же положение открытого В. А. Городцовым святилища на верхней Оке, которое ниже будет отмечено особо.

Такая закономерность расположения святилищ не случайна и может быть объяснена тем, что идолы, поставленные на таких холмах, были обращены на восток, навстречу первым лучам восходящего солнца, и одновременно к воде².

Новгородская археологическая экспедиция (руководитель А. В. Арциховский) еще в 1948 г. предприняла в Перыни небольшие раскопки. Первый раскоп был тогда заложен внутри древней церкви Богородицы. Предполагалось, что эта церковь построена на месте языческого храма, так как еще со времен Владимира Святославича, в целях искоренения язычества, установилась традиция строить христианские храмы на месте языческих святилищ. Целью раскопок было установить время сооружения церкви Богородицы и исследовать культурный слой, лежащий ниже ее фундамента, для отыскания остатков предполагаемого храма.

Раскопом установлено, что фундамент церкви лежит на культурном слое мощностью до 65 см; сверху залегает коричневый супесчаный слой толщиной до 50 см, ниже прослойка черного цвета, толщиной до 15 см. По многочисленным керамическим фрагментам, нижние подфундаментные слои были отнесены к X—XI вв. Следы предполагаемого языческого храма не обнаружены. Второй раскоп (8×8 м) заложен тогда же, в 19 м на юг от церкви. Культурный слой достигал здесь двух с лишним метров. Открыты были два полуземляночных жилища и небольшая часть рва языческого святилища, который из-за небольшой площади раскопа и многих поздних нарушений не мог быть определен.

В 1951 г. Новгородская экспедиция продолжила работы в Перыни, севернее и западнее второго раскопа 1948 г., заложив новый раскоп. Северную стенку его, по возможности, старались приблизить к церкви Богородицы, все еще думая, что остатки языческого храма должны были находиться где-то около церкви. Однако культурный слой здесь оказался полностью нарушенным многочисленными захоронениями XIX и начала XX столетий. Все же отдельные непотревоженные небольшие участки культурного слоя и материка позволили сделать важный вывод топографического характера. Оказалось, что первоначально Перынский холм имел совершенно иной рельеф. Древняя вершина находилась значительно южнее современной и приблизительно совпадала с центром холма, в то время как современная (на ней находится церковь Богородицы) асимметрична центру. Все это заставило сосредоточить внимание на южной части раскопа, где к этому времени на глубине 1,20—1,40 см обозначилась северная часть широкого, дугообразно идущего рва. Казалось, что он кольцом ограждал древнюю вершину холма, что и подтвердилось дальнейшими работами. После исследования северной части рва, западная граница раскопа, следуя за рвом, была передвинута на 10 м, а затем, после того как был вычислен приблизительный диаметр площади, окруженной рвом, раскоп расширен на 22 м к югу. Нужно было проследить южную часть рва и исследовать центральный круг. Таким образом, общая площадь раскопа 1951 г. достигла 892 м². Вместе с раскопом

¹ И. Срезневский. О храмах языческих славян. ЧОИДР, 1846, т. III, стр. 45—46.

² О поклонении славян водной стихии см. И. Срезневский. Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848, стр. 23. Интересно устройство псковских жертвенников. «Все они,— отмечает исследователь,— имели некоторый наклон на восток, у каждого из них находилось по валунному камню с восточной стороны» (С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, стр. 60).

1948 г. открыто и исследовано около $\frac{3}{4}$ площади святилища. Шестая часть его раскопана при современных постройках, а около десятой части предстоит исследовать в ближайшее лето¹.

Поверхность раскопа, занятая огородами, имела постепенный уклон к югу. Верхний слой толщиной в среднем 30 см, сухой, серый, супесчаный, является современным огородным (пахотным) слоем (рис. 40). Под ним залегал светлосерый супесчаный слой, относящийся по находкам и керамике к XV—XIX столетиям (в южной части раскопа он отсутствует). Третий слой — серо-желтый супесчаный — относится к XI—XIV столетиям. К этому слою относятся 15 полуземлянок XII—XIV столетий, исследованные в 1951 г. В северной части раскопа (тоже в раскопе 1948 г. внутри церкви) слою серо-желтой супеси соответствует супесчаный слой коричневого цвета. Такая окраска обусловлена существовавшими здесь деревянными сооружениями, повидимому, это были наземные монастырские здания. Юго-восточный угол сгоревшего деревянного частокола, окружавшего эти здания, прослежен раскопками.

На глубине 0,4—1,2 м от современной поверхности в центральной части раскопа, под слоем серо-желтой супеси, открылась горизонтально ровная поверхность материка (бледножелтый с красными прожилками песок), восточная часть которого уходит за пределы раскопа (рис. 41). Во многих местах поверхность материка повреждена котлованами полуземлянок, но несмотря на это было совершенно ясно, что поверхность материка образовала правильный круг диаметром в 21 м. Круг был окаймлен желтым песчаным слоем, заполнившим упоминавшийся кольцеобразный ров. Внешний берег рва представлял собой тот же материк, но обнаруживался на 20—25 см ниже поверхности центрального круга. Ширина рва в верхней части колебалась от 7 до 5 м, так как внешняя граница рва не описывала, подобно внутренней, окружности, а образовывала ряд дугообразных выступов.

Заполнение рва во всех его частях состоит из однородного желтого песка с небольшими включениями черно-серых пятен и почти не содержит никаких культурных остатков. Однородность заполнения свидетельствует о единовременной общей засыпке. Всюду под желтым заполнением рва, по дну и по боковым склонам, прослеживалась прослойка черно-серого слоя, толщиной от 5 до 15 см в зависимости от покатости склонов рва — на дне и на пологих склонах толще, на крутых склонах — тоньше. Относится она ко времени существования святилища и свидетельствует о его задернованности.

Образуемые боковыми стенками центрального круга внутренние склоны рва довольно круты, а внешние — сильно пологи. Против каждого дугообразного выступа ров достигает наибольшей глубины (до 1 м). Дно рва здесь почти горизонтально и образует ячейки, очертания которых близки к окружностям диаметром около 3 м. Полностью вошли в раскоп северная и южная ячейки; северо-восточная, западная, северо-западная и юго-западная ячейки вошли в раскоп не целиком или же оказались нарушенными еще в древнее время (рис. 42). От дугообразных выступов внешние склоны рва полого опускаются в направлении этих ячеек. В местах схождения дуг внешней границы рва ширина его уменьшается до 5 м, глубина также уменьшается, образуются как бы перемычки, от которых дно полого спускается к ячейкам.

Южная, юго-западная, западная и северо-западная ячейки были заполнены черноугольным слоем толщиной до 15 см, состоящим из многочисленных угольков (судя по крупным углям, найденным в южной ячейке, сжигался дуб), перемешанных с черно-серой супесью, золой и песком. В южной

¹ В 1952 г. Новгородской экспедицией центральная часть святилища в Перыни раскопана полностью. Изложенная ниже реконструкция святилища подтвердилась.

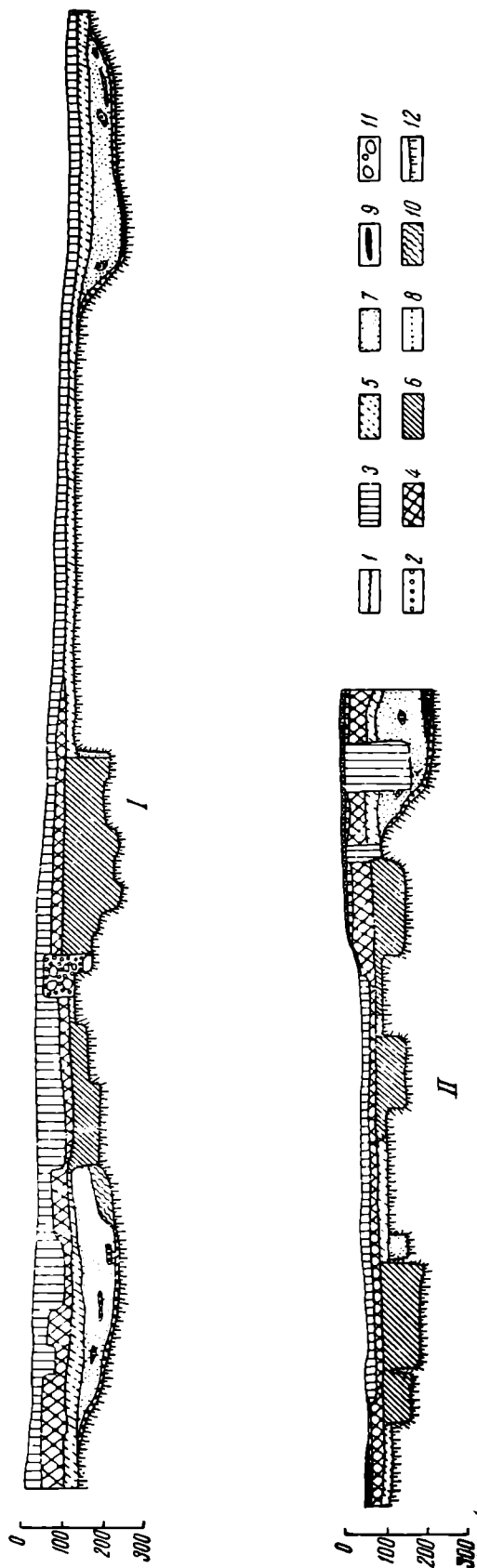

Рис. 40. Разрез культурного напластования:

I — по линии АА, II — по линии ББ (см. рис. 42); 1 — дерновой слой; 2 — известь; 3 — серый супесчаный; 4 — светлосерый, супесчаный; 5 — серо-желтый, супесчаный; 6 — темносерый (заполнение полуземлянок); 7 — желтый песок (заполнение рва); 8 — черно-серая прослойка; 9 — угольный слой; 10 — перекопанный слой из материкового песка, черно-серого слоя и желтого песка; 11 — камни; 12 — поверхность материка.

ячейке материк под остатками кострища носил следы слабой прокаленности. Подобные следы обнаружены и в северной ячейке, но в последней, так же как и в северо-восточной, остатков кострищ не оказалось. Встречены лишь отдельные угольки, разбросанные в промежутке между этими ячейками.

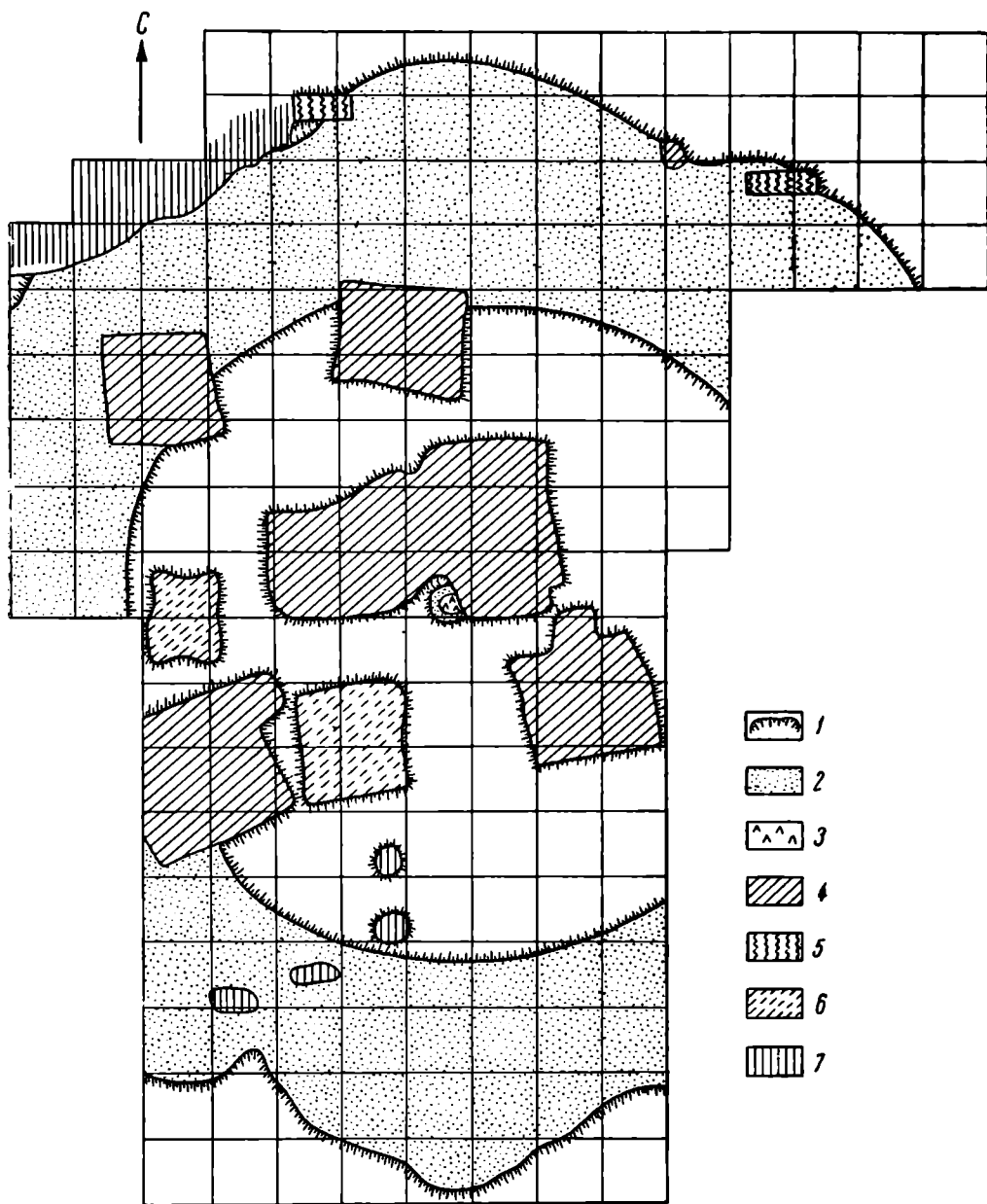
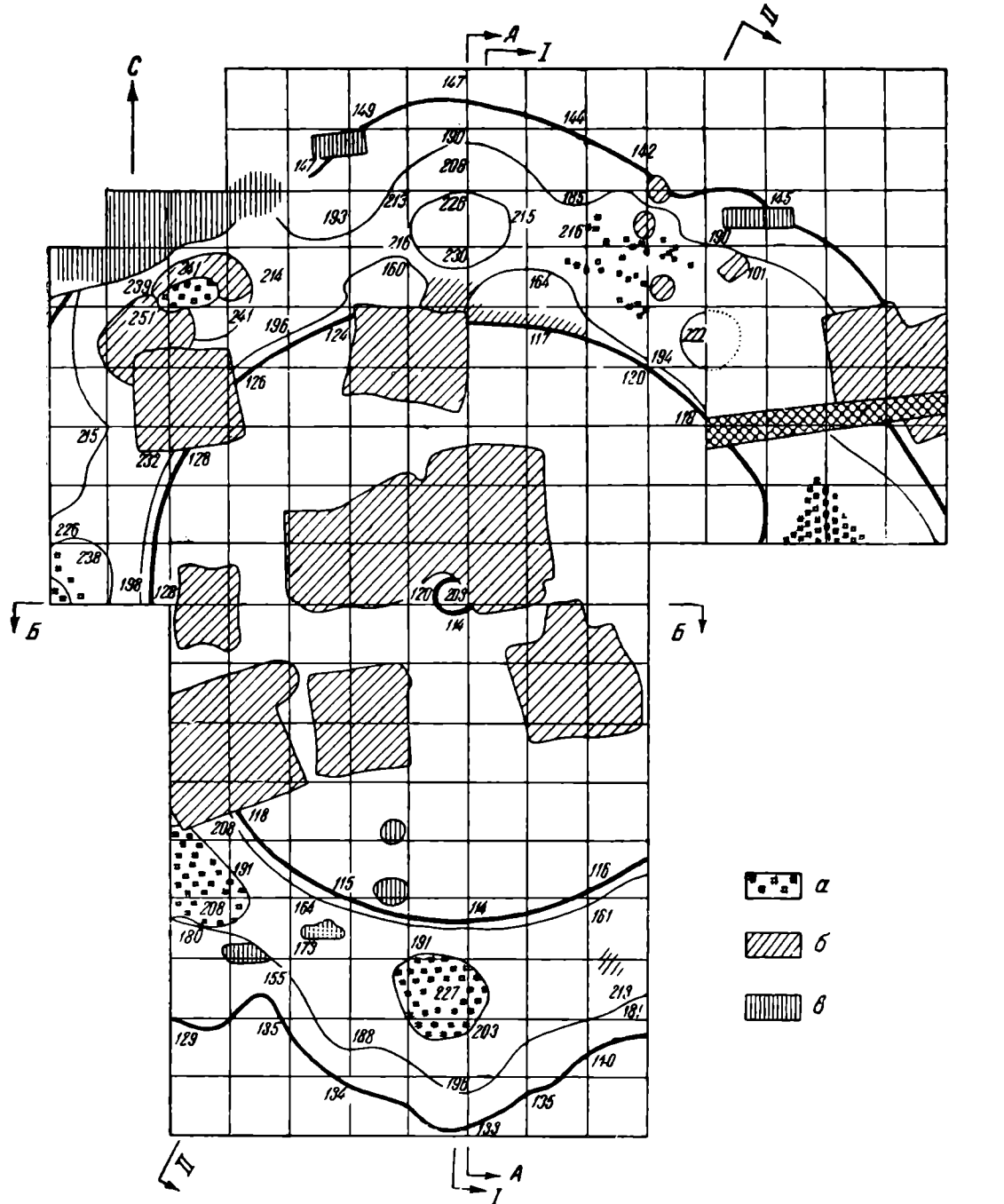

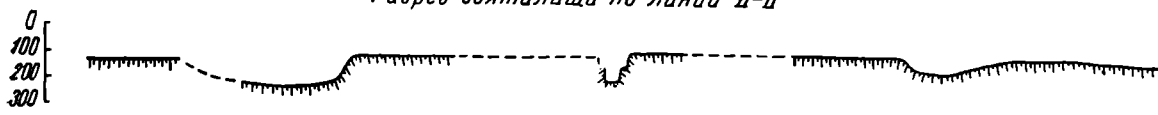
Рис. 41. План части раскопа в Пермы на глубине 1,2—1,6 м (6—8 пластов):

1 — линия материка; 2 — желтый песчаный слой; 3 — серо-коричневый; 4 — темносерый с угольками (заполнение полуземлянок); 5 — могильные ямы; 6 — серо-желтый, супесчаный; 7 — серый супесчаный.

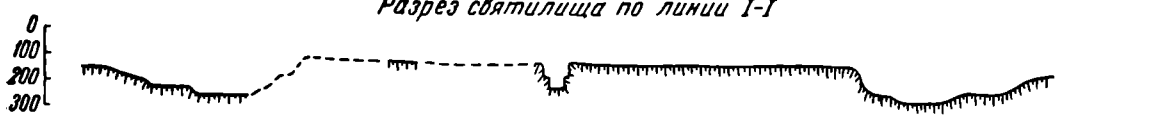
Изучение стратиграфии заполнения рва и остатков кострищ дает возможность утверждать, что все кострища перекопаны одновременно перед самой засыпкой рва. Закономерное расположение ячеек рва на равном расстоянии одна от другой позволило определить, что их общее количество равнялось восьми. Шесть из них полностью или частично исследованы в 1951 г. Восточная ячейка, своим северным краем вошедшая в раскоп 1948 г., оказалась сильно перекопанной еще в XV—XVI столетиях, но, судя по громад-

Разрез святилища по линии II-II

Разрез святилища по линии I-I

2

Рис. 42. План языческого святилища Перуна (1) и разрезы его (2):

а — углистый слой; б — повреждения древнего времени; в — повреждения позднейшего происхождения; косая перекрестная штриховка — невыбранная часть фундамента монастырской стены. Цифрами отмечены глубины от условной нулевой отметки.

ному скоплению угля, смешанного с черно-серой землей, можно думать, что костер в ней отличался особой мощностью.

В точном центре круга, очерченного кольцеобразным рвом, вскрыта яма, восточная половина которой была нарушена при постройке полуземлянки № 8 (рис. 43). Сохранившаяся часть в плане имеет полукруглую форму. Ее северо-южный диаметр равен 1,0 м, а в направлении с запада на восток протяженность достигает 0,7 м. Особенно интересными оказались конструкция и заполнение ямы. Середину ее, в форме полукруга, концентрического к границам, занимал темноватый слой с коричневыми пятнами. По краям полукольцом шириной около 15—20 см яма была заполнена желтым песком. На глубине около 60 см вертикальные стенки ямы образуют уступ в виде полукольца шириной 15—20 см и далее до дна они снова вертикальны. Заполнение ямы от уступа до дна однородно и соответствует срединному заполнению верхней части ямы. Общая глубина ямы равна 1 м.

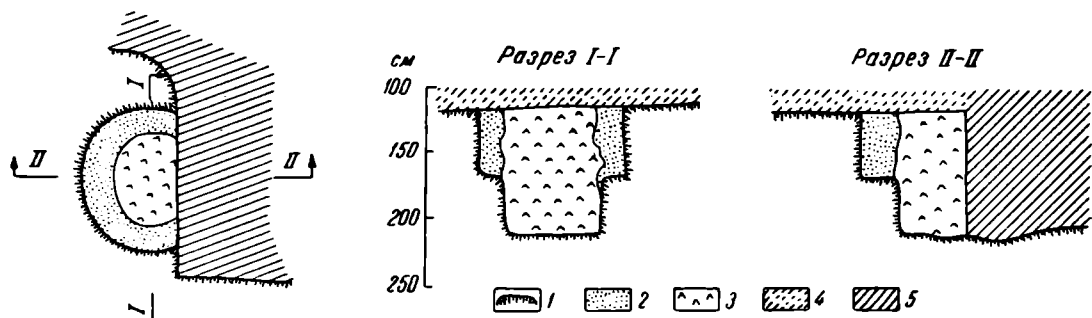

Рис. 43. План и разрезы ямы основания идола Перуна:

1 — граница материка; 2 — желтый песчаный слой; 3 — темноватый с серыми и коричневыми пятнами; 4 — серо-желтый слой; 5 — темносерый с угольками (заполнение полуземлянки).

Дно сохранившейся части горизонтально и имеет форму полукруга диаметром в 0,65 м с севера на юг и 0,4 м с запада на восток. Заполнение не содержало находок. Конструкция и заполнение ямы позволяют с уверенностью заключить, что в ней находилось основание вертикального столба диаметром в 65 см, которое и сгнило в яме. О последнем свидетельствуют коричневые включения в заполнении срединной части.

Стратиграфически яма и ее заполнение, так же как заполнение кольцеобразного рва, относятся ко времени, предшествующему образованию третьего слоя, относимого к XI—XIV столетиям.

Немногочисленные обломки керамики, встречаемые на дне рва, настолько малы, что не могут служить для хронологических выводов. Среди них 19 фрагментов относятся к круговой посуде и 24 обломка лепных горшков, из которых 23 принадлежат к керамике позднего неолита. Поздне-неолитическая стоянка находится в 300 м от Перыни на берегу оз. Ильменя. В желтопесчаном заполнении юго-восточного рва встречены обломки двух горшков, на которых следует остановиться особо. Оба они изготовлены на гончарном кругу. Тесто черное с примесью песка и хорошо промешанной мелкой дресвы. Мельчайшие блестки слюды проступают по всей поверхности. Толщина стенок равна 0,6 см. Диаметр одного сосуда 35 см (высота не выясняется). Венчик его слегка отогнут, переход к пологим плечикам — плавный. Орнамент в виде широких (2 мм) прямых линий покрывает сплошь плечики сосуда. Другой горшок меньших размеров, диаметром в 20 см. Венчик — прямой невысокий, плечики пологи и орнаментированы волнистыми линиями и широкими прямыми полосами. Подобная керамика характерна для славянских памятников X и начала XI столетий.

Открытое на вершине Перынского холма сооружение, представляющее

собой круглое возвышение с горизонтальной поверхностью и с вертикальным столбом в центре, обрамленное рвом оригинальной формы с восемью ячейками для костров, не может быть определено иначе, как культовое. Несомненно, это остатки святилища Перуна. Время разрушения его совпадает с летописными данными. Открытая в центре круга яма со сгнившим основанием вертикального столба являлась котлованом для статуи Перуна. Летописец сообщает, что последняя была «посечена» (срублена), и действительно, раскопки показали, что идол Перуна был срублен, а его основание сгнило в яме. Раскопки позволяют нарисовать более полную картину разорения святилища. В то время как одна группа людей срубила идола Перуна и тащила его к Волхову, другая перекопала кострища во рву, бесследно разнесла жертвенник, а затем, вероятно, общими усилиями был засыпан ров и центральный круг выровнен с окружающей поверхностью.

При разорении святилища пострадал северный край центрального круга, о чем свидетельствует нарушение окружности. Характерная черно-серая прослойка здесь отсутствует. Следует отметить одну деталь в устройстве северного склона круглого возвышения. Крутой склон его образует метровый выступ — ступеньку шириной до 7 м. Назначение выступа не совсем понятно. Вероятнее всего предполагать наличие здесь ступенчатой лестницы для входа на площадку с идолом, без которой, при крутых склонах центрального круга, войти на возвышение было бы весьма трудно. Связывать этот выступ с выступами киевского капища, открытого Б. В. Хвойкой, не представляется возможным, так как выступы киевского святилища на одной высоте с горизонтальной поверхностью центрального овала и, повидимому, имели какое-то другое назначение.

Земля для засыпки рва бралась с центрального возвышения и с прилегающих ко рву участков. На это указывает отсутствие здесь черно-серой прослойки дернового слоя. Нужно думать, что центральное возвышение святилища было несколько выше, чем оно предстало в раскопках. Если вычислить объем заполнения рва и предположить, что приблизительно половина взята с центрального круга, то его высоту следует увеличить на 20—25 см.

Благодаря стройности и строгой закономерности устройства открытого сооружения святилища, восстановление его плана, несмотря на значительные повреждения, не составило трудностей. Геометрический центр круга находится около юго-восточного края ямы идола Перуна. Из этой точки при постройке святилища и была проведена окружность радиусом в 10,5 м (рис. 44—1, 2), обозначившая центральный круг святилища. Все центры дуг, образующих внешнее окаймление рва, лежат на этой окружности. Радиусы всех дуг равны 7 м. Центры их расположены на равном расстоянии один от другого и линии, соединяющие эти центры с центром святилища, образуют между собой равные углы по 45°.

Зодчий, создавший это геометрически правильное сооружение, должен был хорошо знать геометрию, и создается впечатление, что он пользовался линейными мерами. Радиус окружности 10,5 м и радиусы дуг 7 м не случайны: это точно шесть и точно четыре мерных сажени (176 см), на системе которых позднее, в XII—XIV вв., новгородские мастера обычно строили храмовые здания¹. Поэтому можно предполагать, что и сооружение Перынского святилища принадлежит новгородскому мастеру. Для постройки нужно было предварительно разметить план на местности. Наметьте восемь центров на окружности, зодчий провел из них восемь дуг, каж-

¹ Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV веков. СЭ, 1949, № 1, стр. 67—91.

дую до пересечения с соседней, в результате чего в плане получился восьми-лепестковый цветок.

Известно, что славяне-язычники любили посвящать громовержцу Перуну некоторые цветковые растения. Так, у всех южно-славянских народов цветок *Iris Germanica* носит народное наименование «перуника» (дубровицкое название этого цветка «богища», т. е. божий цветок). Нецветение

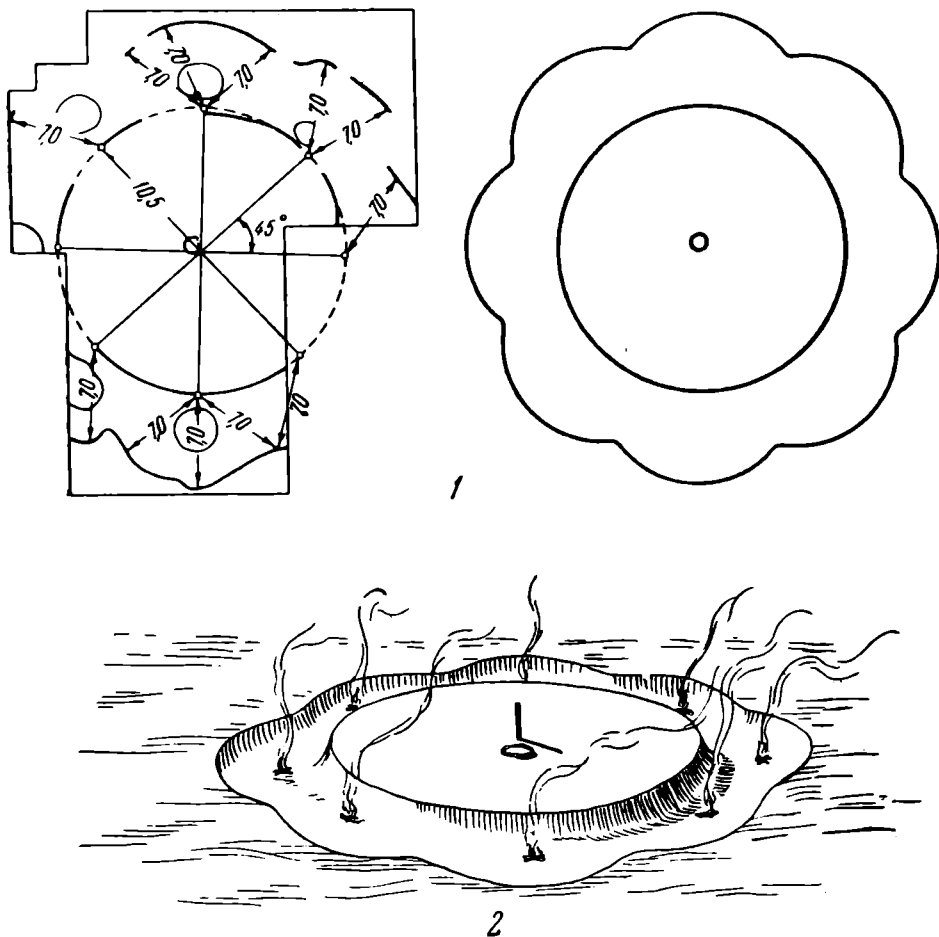

Рис. 44. Реконструкция святилища Перуна:

1 — план; 2 — общий вид.

«перуника» считалось предвестником смерти¹. Русские также именуют перуном некоторые цветковые растения². На Украине известны наименования цветов, связанных с громом: громдола, громовник, громовик, громовой корень³. Латыши Перуновым цветком (*Perikones*) называют полевую горчицу⁴. Ибн-Фадлан в числе приношений руссов на Волге своим языческим богам называет и цветковые растения⁵.

В привлечшей внимание В. А. Городцова народной вышивке, связанной с языческими религиозно-культурными представлениями, изображение

¹ И. Иванов. Культ Перуна у южных славян. Известия отделения русского языка и словесности Академии наук, 1903, т. VIII, кн. 4, СПб., 1903, стр. 159.

² В. Мочульский. О мнимом дуализме в мифологии славян. Варшава, 1889, стр. 51.

³ И. Иванов, ук. соч.

⁴ Там же.

⁵ И. Срезневский. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Харьков, 1846, стр. 75.

восьмилепесткового цветка нередкое явление. На одних рисунках восьмилепестковый цветок венчает голову богини с поднятыми руками, на других богиня-мать изображена с поднятыми руками, держащими по восьмилепестковому цветку, и т. п.¹ Повидимому, план святилища Перуна представляет собой геометризированное изображение одного из таких цветков, посвященных Перуну.

Ров, окружавший круглое возвышение с идолом, имел ритуальное значение. Нет сомнения, что рвы древнейших славянских курганов, у которых в основе можно найти много общего со святилищем, имели тоже ритуальное значение. Культовый характер рва можно было наблюдать в прошлом столетии в ежегодном языческом празднике мордвы в новолуние июля. В этот день вырывали неглубокий ров, разводили «живой огонь», получаемый от трения двух деревянных палочек, закалывали козла, а затем по рву прогоняли лошадь².

Что касается костров, открытых во рву святилища, то имеются непосредственные указания письменных источников на огонь, как священную принадлежность богослужения Перуну. Х. Махаль приводит слова из «Московской хроники» Hosiua, где в описании Новгорода говорится об идоле Перуна, который некогда стоял на месте Перунова монастыря и в честь идола горел огонь³.

В. Н. Татищев передает слова Стрыковского, которые, по В. Н. Татищеву, взяты из древней летописи, не дошедшей до нас: «Перун бог грома, ему же неугасимый огонь содержан от дров дубовых»⁴. Почти то же в поздней Густынской летописи⁵. В Польше, отмечает И. Иванов, уже в исторические времена был запрещен народный обычай поддерживания вечного огня Перуну⁶. У хорутан еще в прошлом столетии можно было наблюдать праздник освящения огня, который всегда устраивался в четверг, т. е. в день, посвященный Перуну⁷. Обычай разложения огня в языческие праздники Коляды и Купалы дожил во многих местах Восточной Европы до нашего столетия. Крупнейшие исследователи славянской мифологии А. Афанасьев и Потебня считают, что праздник Коляды был посвящен богу грома Перуну⁸.

Были ли костры, открытые во рву, действительно неугасимые? Сравнительно небольшое количество угля и золы, обнаруженное в ячейках рва, скорее указывает на то, что костры во рву горели не постоянно, а зажигались лишь в особо торжественные праздники. Что же касается восточного костра, северная часть которого вошла в раскоп 1948 г. и содержала очень большое количество угля, то он мог быть и постоянным.

Единственной деталью святилища, которая реконструируется гипотетично, является жертвенник. С последним можно связывать лишь один дугообразно изогнутый камень с правильными краями. Найден он среди обычных булыжников развала каменного очага полуземлянки, расположенной к

¹ В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды ГИМ, вып. I, М., 1926, стр. 7—36.

² А. Н. Миях. Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии. Этнографическое обозрение. Кн. XV, М., 1892, № 4, стр. 118. Интересно отметить, что мордовский бог грома в ряде мест именуется Poguini, очевидно, от славянского Перуна.

³ Hanus Machal. Nakres slovanskeho bajaslovi. Praha, 1891, стр. 22.

⁴ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. I, М., 1768, стр. 16—17.

⁵ ПСРЛ, т. 2, стр. 207.

⁶ И. Иванов, ук. соч., стр. 149.

⁷ И. Срезневский. Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848, стр. 26.

⁸ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. 2, М., 1868, стр. 257.

востоку от ямы — основания идола. Длина камня 39 см, ширина 14 см, высота 13 см. Радиус его дуги (по внутреннему краю) приблизительно равен 55 см. Камень этот не находит себе места в конструкции очага, в развале которого он обнаружен, но может быть частью ограждения круглого или овального жертвенника, аналогичного открытым в Пскове¹. Подобные же жертвенники в XVIII в. наблюдал у латышей путешественник Крузе. Жертвенники латышей помещались возле стоявшего на холме священного дерева и представляли собой простое ограждение из камней, в отличие от псковских жертвенников, четырехгранной формы². Впрочем, и в Пскове встречен жертвенник, подножье которого было окаймлено плитняковыми камнями, образующими четырехугольник. Вероятно, с жертвенником, стоявшим перед идолом Перуна, нужно связывать и находки обломков двух сосудов, найденных в заполнении юго-восточной части рва, и семь зубов лошади, обнаруженные там же.

Вопрос о наличии каких-либо деревянных конструкций в открытой раскопками части святилища решается отрицательно. Сухой супесчаный слой Перыни не сохраняет дерева, но хорошо сохраняет его следы в виде коричневых или темносерых вкраплений. Нам удалось проследить все подробности устройства деревянных частей полуземлянок, начиная от срубов, впущенных в котлованы, и кончая полами, крышами, дверными рамами и т. п. И в то же время, кроме основания идола, раскопками не обнаружено никаких следов дерева, которые можно было бы связывать с культовыми сооружениями. Небольшая толщина верхней части центрального круга, снятая при разорении святилища, не позволяет предполагать, что при этом могли бесследно исчезнуть какие-либо деревянные постройки. В песчаном грунте вертикальные столбы, державшие навес или входившие в конструкцию какой-либо другой предполагаемой культовой постройки, не могли бы стоять, если бы они были вкопаны в землю меньше чем на полметра. Нельзя также предположить, что основания таких столбов исчезли при постройке полуземлянок, расположение которых исключает возможность такого размещения предполагаемых столбов, чтобы все они попали в места, занятые полуземлянками, и не нарушили при этом строгого геометризма святилища.

Реконструкция Перынского святилища, исключая жертвенник, создана на основе остатков, открытых раскопками. Площадка центрального круга поднята на 20 см, как это было определено выше (рис. 44 — 2).

Сравнивая Перынское святилище с киевским округло-овальным сооружением из серого песчаника³, нельзя не отметить их сходства. Если верно высказанное Л. А. Динцесом предположение, что в центре киевского сооружения стоял идол, то и по форме и по назначению это тот же перынский круг, служивший пьедесталом для идола, и лишь наличие четырех выступов, назначение которых, к сожалению, не ясно, мешает полному сближению.

Во время археологических разведок на р. Оке (б. Белевский уезд) В. А. Городцов около дер. Береговой на холме, обращенном обрывистой восточной стороной к реке, обнаружил интересный памятник, назначение которого осталось для исследователя загадочным. В. А. Городцов писал:

¹ С. А. Тараканова. Ук. соч., стр. 58—61.

² К. Б. Болсуновский. Памятники славянской мифологии. Вып. II, Перунов дуб. Киев, 1914, стр. 10.

³ В. В. Хвойка. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913, стр. 68. Рисунки киевского сооружения помещены: L. Niéderlé. Manuel de l'antiquité slave, 1—2, Paris, 1923—1926; М. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. ПИДО, 1935, № 10, стр. 276.

«На поверхности рассматриваемой площади отчетливо видно возвышение, состоящее из серой золистой почвы. Часть этого возвышения уничтожена обвалами берега. Впрочем последнее не мешает убедиться в совершенно правильной круглой первоначальной его форме; высота его не превышает одного аршина. Крестьяне д. Береговой хорошо помнят, когда возвышение было совсем целым и круглым, но они с ним не связывают никаких преданий и не называют его курганом, хотя говорят, что исстари на том бугорке водили по праздникам хороводы, играли в горелки, а на Троицын день девицы их завивали венки и обряжали разноцветными лентами березу»¹. Теперь после исследования Перынского святилища можно думать, что это также было языческое святилище, чему соответствует и топографическое положение холма.

В заключение следует обратить внимание на генетическую связь перынского культового сооружения с так называемой «курганной архитектурой» восточных славян. В этом отношении интересны наблюдения В. И. Сизова над погребальным обычаем смоленских кривичей: «Прежде всего на грунте,— отмечает он,— заготавливалось круглое основание кургана, приблизительно на $\frac{1}{3}$ будущей его высоты»². На этом круглом возвышении с горизонтальной поверхностью (с которым, повидимому, нужно связывать летописную «краду»), совершенно сходным с перыньским кругом — пьедесталом, происходило сожжение покойника. Затем остатки трупосожжения собирались в сосуд, который ставился, в большинстве случаев, в центре насыпи. Иногда на такой насыпи вокруг урны с трупосожжением устраивалось кольцо из камней. Это — своеобразная «жертва» Перуну: сородичи, помещая сосуд с останками умершего в жертвенник (кольцо из камней), как бы обращались к Перуну с просьбой принять душу покойного в загробный мир. Еще в прошлом столетии И. Срезневский справедливо указывал, что обряд трупосожжения по цели и по содержанию приближается к обряду языческого жертвоприношения³. Подобные кольца из камней наблюдались в псковских длинных курганах⁴ и в новгородском кургане XI в.⁵ Повидимому, такое же ритуальное назначение имела кольцеобразная обкладка оснований курганов и позже — жальничных погребений. Наличие же круглой насыпи с горизонтальной поверхностью, являющейся основанием-пьедесталом для помещения останков после трупосожжения, помимо смоленских курганов может быть отмечено в ряде курганов новгородских славян, где она достигает половины общей высоты курганной насыпи. Такая же круглая насыпь высотой 1,0—1,5 м намечается и в реконструированном Б. А. Рыбаковым черниговском кургане «Черная Могила»⁶.

---

¹ В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. М., 1905, стр. 13—14.

² В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, 28, СПб., 1902, стр. 7—8.

³ И. Срезневский. Исследование о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848, стр. 95.

⁴ С. А. Тараканова. Псковские курганы с трупосожжением. КСИИМК, вып. XXXVI, стр. 142—143.

⁵ А. В. Арциховский. Раскопки 1930 года в Новгородской земле. СА, I, М.—Л., 1936, стр. 191.

⁶ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, М.—Л., 1949, стр. 30.